

лем. Их ссора вспыхнула вследствие того отвращения, которое они питали друг к другу с той поры, как во дворце Рамбуйе появились три весьма кокетливых сестры. . . Шаварош, как я уже об этом говорил, был неравнодушен к г-же де Монтозье до ее замужества. Это не способствовало его примирению с Вуатюром; но окончательно их рассорило то, что Вуатюр, который не мог не привлекнуться за любой девушкой, особенно молодой и знатной, стал ухаживать за м-ль де Рамбуйе, как только та вышла из монастыря: то ли Шаварошу она тоже немного нравилась, то ли он был рад насолить Вуатюру. Молодая девушка, в противоположность своей сестре, была с ним не слишком строга и, весьма вероятно, выказывала благосклонность к Вуатюру. Я их нередко заставал за игрой в волян и играл вместе с ними или видел, как они шепчутся друг с другом, и в этом случае им не мешал. Вуатюр, возможно, способствовал тому, что девица эта стала менее благоразумной, нежели была прежде; сам он сделался совершенно несносен. Г-жа де Сент-Этьен говорит, будто под конец все от него устали, и если бы не то, что в доме к нему давно привыкли, и не пользуйся он расположением г-жи де Рамбуйе, к которой он относился с приятью, его давно бы выставили за дверь. Монтозье никогда не испытывал к нему симпатии, так как был убежден, что Вуатюр скорее унизил, нежели возвысил его во мнении г-жи де Монтозье, чьей руки он тогда искал; не раз он говорил, когда Вуатюр старался чем-либо насмешить общество: «Ну что здесь смешного? Вы находите, что это интересно?».

Вуатюр довел Шавароша черт знает до чего, а тот, понимая, что Вуатюр воспользуется его, Шавароша, сдержанностью и захочет выдать ее за трусость, обнажил против него шпагу и ранил его в бедро. На шум во время прибежали, ибо рассказывают, будто один из лакеев Вуатюра собирався пырнуть Шавароша саблей. Вуатюр поначалу не хотел признаваться, что Шаварош его ранил; он утверждал, будто его задел шпагой разнимавший их лакей. Однако потом все выяснилось. Шашлен и Конрар высказывались против него; но это и не могло быть иначе, ибо Вуатюр потешался над ними, а также и над Костаром, хотя Костар и воображает, что это не так, но достаточно прочесть для этого их письма.

Г-н и г-жа де Монтозье стали на сторону Шавароша, но более всего взумило Вуатюра то, что Арно больше поддерживал Шавароша, чем его. Г-жа де Рамбуйе была чрезвычайно огорчена всем случившимся. Уже само по себе это было нелепо, потому что случилось с людьми, которым было уже под пятьдесят в которые, тот и другой, молились или должны были молиться, ибо они жили либо на бенедикции, либо на доходы с бенедифций; кроме того, г-жа де Рамбуйе опасалась, как бы не стали распускать глупые слухи насчет ее дочери; впрочем, м-ль де Рамбуйе очень быстро успокоилась. Епископу Грасскому вдруг вздумалось по поводу этого поединка написать злоую сатиру, в которой поросенок дерется со